

УДК 37.017

ДОМАШНЕЕ И ШКОЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК ПРАВОСЛАВНОГО ВОСПИТАНИЯ**А.В.Моторин****HOME AND SCHOOL READING AS A SOURCE OF ORTHODOX EDUCATION****A.V.Motorin***Институт непрерывного педагогического образования НовГУ, amotorin@yandex.ru*

Чтение как понимание произведений художественной словесности является мощным средством воспитательного воздействия на сознание подрастающих поколений. Толкование художественных произведений, поддержанное системой государственного просвещения, в значительной мере определяет ход исторической жизни народа. Со времен Крещения Руси русское самосознание успешно воспитывается на основе православного восприятия родной словесности.

Ключевые слова: *просвещение, воспитание, Православие, словесность, чтение*

Reading, understood as interpretation of fine literature, has a great impact on the minds of the younger generations. Interpretation of art works, supported by the state education system, largely determines the course of history of the people. Since the Baptizing of Russia, the Russian self-consciousness is developed successfully on the basis of the Orthodox perception of native literature.

Keywords: *education, upbringing, Orthodoxy, literature, reading*

Очевидно, что чтение в жизни каждого человека и каждого народа имеет первостепенное значение. С древнейших времен благодатное слово служит важнейшим источником воспитания, то есть слово является духовной пищей, которая питает, *воспитывает* человеческую душу, помогает *раз-виту* самосознания, личности, а по христианскому разумению — *раз-виту* того образа Божьего, который изначально, от рождения даруется каждому человеку в *с-витом* виде, в зерне души. Однако слово может быть и злым, тлетворным, ядовитым, то есть не столько питающим и развивающим, сколько препятствующим воспитанию и развитию человека. «Всяко слово гнило да не исходит из уст ваших», — предупреждает апостол Павел (Еф. 4:29).

Что читать, как понимать прочитанное, кто и что советует читать, какое при этом предлагает понимание, толкование произведений — вопросы жиз-

ненно важные. Если художественное слово обладает силой прямого воздействия, то не меньшей и не менее прямой силой воздействия обладает толкование на художественное слово. Объясняющее толкование может усиливать воздействие слова на читателей, а может и гасить, преломлять, искажать такое воздействие. Так и в житейской повседневности: люди судят о знакомых не только по личным впечатлениям, но и по сторонним представлениям о них — по суждениям, лести, порою клевете других людей, и порою клевета оказывается сильнее.

С православной точки зрения, дома (в семье), в воскресной школе и по возможности в светской школе необходимо читать, изучать проверенную веками духоносную христианскую словесность во всем ее разнообразии (применительно, разумеется, к возрастным особенностям читателей). Однако мы живем теперь в мире, где утлые корабли народов носимы

ветрами и волнами по бескрайним морям светской, многолико магической, вообще нехристианской словесности, и эта словесность победно преобладает в существующей ныне государственной школе, на книжных прилавках, на полках библиотек (общественных и домашних), а теперь все более и более — на невещественных полках электронных сетевых библиотек, в хранилищах личных компьютеров, электронных читалок, «умных» телефонов.

Со светской словесностью и в особенности с так называемой классической, то есть принимаемой за образец совершенства и предлагаемой при государственной поддержке для изучения, все очень не просто, с точки зрения ее воспитательного, тем более, духовно-православного прочтения и воздействия. А без православного просвещения Россия, как показывает опыт минувших веков, духовно заболевает, слабеет и распадается на государственном уровне.

Впрочем, в истории русской светской словесности Нового времени всегда (даже в эпоху советского безбожия) наряду с духовными блужданиями продолжалось исконное народообразующее православное направление. Не все писатели сохраняли верность духовным преданиям, но лучшие из них — сохраняли или стремились сохранять. Другие, напротив, отвергали православные ценности в жизни и творчестве. В условиях духовных противоречий и духовной борьбы, раздирающей общественное сознание, важнейшее значение обретает способность каждого человека и всего народа читать и понимать словесные творения влиятельных писателей, видеть, куда каждый такой писатель идет по жизненному пути, в каком направлении влечет за собой.

Для примера прочтения и воздействия классики возьмем всем, казалось бы, известное произведение — первую большую книгу Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831—1832). Можно сказать, все творчество Гоголя выросло отсюда как из некоего первоизданного семени. Эту книгу на протяжении уже почти двух веков с удовольствием читают как дети, так и взрослые, и дети любят слушать чтение взрослых. Отдельными повестями книга включается в школьное изучение, преимущественно в 4—6 классах. В произведении удивительно сочетаются глубина содержания и яркое доступное выражение. Каждый возраст может вникать в суть гоголевского замысла на своем уровне и получать большую духовную пользу. Между тем в течение почти двух веков как взрослое, так и детское (с помощью взрослых) понимание этой книги остается далеким от истины. Прежде всего, грубой ошибкой является ее восприятие в виде отдельных повестей, вырванных из общего цикла. Такой подход является следствием недопонимания гоголевского замысла и приводит, в частности, в тому, что для изучения выдергиваются повести, духовно опасные в своей отдельности (например, «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь, или утопленница»). «Вечера на хуторе...» должны прочитываться и осмысливаться целиком, иначе замысел и благотворное художественное воздействие утрачиваются. Эта книга по своей значительности вполне заслуживает тако-

го уважительного отношения к себе на уровне школьных программ.

Недопонимание «Вечеров...» читателями началось сразу же по выходе книги, с 1832 года. Изначально укоренилось и до сих пор преобладает убеждение, согласно которому пасечник-издатель Рудый Панько — это прямое выражение личности Гоголя и непосредственный автор-рассказчик всех восьми повестей, составивших в итоге две книги по четыре повести в каждой. Между тем, согласно тексту пасечник всего лишь собрал и «швырнул» в свет сборник рассказов, услышанных им от гостей у себя дома на «вечерниках». В предисловиях пасечника (естественно, по творческому замыслу Гоголя) представлены образы целых пяти рассказчиков, чьи повести вошли в состав «Вечеров...», причем каждый из рассказчиков отличается своим мирозерцанием, внешностью, повадками, речевым слогом.

От этого исходного недопонимания сразу возникли и продолжают до сих пор возникать разного рода недоразумения. Так, например, у ранних критиков-малороссов, хорошо знавших украинскую жизнь (у А.Я.Стороженко в 1832 году, а спустя треть века — у П.А.Кулиша) возникло недоумение: почему пасечник-издатель (то есть стоящий за ним Гоголь) в одних повестях верно передает народный быт, а в других — с явным злостным искажением. При этом не приняли во внимание, что повести с точным бытописанием принадлежат у Гоголя определенному рассказчику — «дьячку ***ской церкви» Фоме Григорьевичу и названы эти повести в подзаголовках к ним «былями»; а повести, искажающие и принижающие народную жизнь, принадлежат другому рассказчику — надменному паничу из Полтавы Макару Назаровичу. Мирозерцание панича было созвучно модной в начале XIX века субъективно-идеалистической немецкой философией. Весь мир он считал плодом собственного творческого воображения и рассказывал свои мирозидательные истории, подбоченясь и выставив перед собой палец, словно бы выводя все бытие из пальца и обводя вокруг пальца слушателей, которые втягиваются в мир его воображения уже тем, что молча слушают, а значит, с подобной точки зрения, — слушаются. Этому паничу с его своеобразным мирозерцанием и слогом принадлежит в цикле две повести: «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь, или утопленница». Любопытно, что именно эти повести часто предлагаются для изучения в школьных программах (разумеется, в отрыве от всего цикла и гоголевского замысла). Если у панича мир изображается под знаком магии творческого воображения, то в «былях» дьячка жизнь и человек представляются в духе православного трезвения с особым вниманием к борьбе пороков и добродетелей в душах людских. Повести панича при внимательном их прочтении раскрывают, как за внешним буйством яркой мечтательности, занимающей и тешущей гордого самообожающегося творца, скрывается, а потом обнаруживается убийственная тоска и безнадежное одиночество.

Есть в «Вечерах...» и еще три рассказчика, дополняющих многообразие основных мирозерцаний

ских типов, господствующих в эпоху Гоголя, а по сути — влиятельных и до сих пор. Выдержанная в православном духе, причем в большей степени, чем в «былях» дьячка, повесть «Ночь перед Рождеством» судя по ряду намеков сочинена самим пасечником Рудым Паньком.

Полную противоположность художественному мироотображению пасечника составляет повесть «Страшная месть», где выражены антихристианские и даже сатанинские взгляды на жизнь. Сочинил ее некий рассказчик, чье имя, как рассудил Рудый Панько, к ночи лучше не упоминать, намекая на прямое воплощение нечистой силы. «Страшная месть» показывает, сколь страшен и безнадежно губителен мир, окружающий человека, ставшего на путь прямого богопротивления, сатанизма (причем это выражено не только на уровне сознания героев, но и на уровне авторского повествовательного сознания, определяющего характеры героев и событийный ряд).

Наконец, еще одну повесть поведал некий Степан Иванович Курочка: это «Повесть об Иване Федоровиче Шпоньке и его тетушке». В данном творении, как часто бывает в Новое время, повествовательное сознание колеблется между бездуховным наукообразным материализмом и туманно-неопределенным пантеизмом, склоняясь именно к последнему (а пантеизм — духовная подоснова всякой магии). Здесь показаны, с одной стороны, плоская скука бездуховного жизнепрпровождения, бывающего у неверующих людей, а с другой — обаяние магической духовности, пусть и ущербной, и губительной, но привлекательной для человека, уставшего от материалистического бытового закоснения.

Для понимания общего замысла Гоголя в «Вечерах...» важно заметить, что «были» дьячка поставлены на ключевые места в построении всего цикла: занимают второе, четвертое и восьмое место по порядку. Они, таким образом, являются заключительным решающим словом в первой полукниге, в первой книге, во второй книге и во всем цикле в целом. Немаловажно и то, что дьячок Фома Григорьевич первенствует по количеству повестей, отобранных в состав цикла (их три из восьми: «Вечер накануне Ивана Купала», «Пропавшая грамота», «Заколдованное место»). Его «были» отображают различные случаи борьбы в душе и жизни человека между силами благодатными, богоданными, с одной стороны, и злыми, нечистыми — с другой. Все три повести показывают, что от свободного выбора между добром и злом зависит судьба человека.

Повесть «Ночь перед Рождеством» близка по духу к повестям дьячка с тем только различием, что слог в ней меньше насыщен оттенками языческой мифологии, свойственной простонародному сознанию, но преодолеваемой православной верой. Эта повесть, начиная вторую книгу и закольцовываясь с заключительной в данной книге «былью» дьячка «Заколдованное место», усиливает общее православное внушение, порождаемое всем циклом.

Гоголь всю жизнь страдал от читательского недопонимания не только своих ранних «Вечеров...»,

но и всего последующего творчества. В середине 1840-х годов он даже склонялся к признанию собственных художественных произведений вредными для читателей, но вскоре отказался от такого мнения, справедливо посчитав, что в недопонимании повинны обе стороны: читателям, критикам надо сильнее напрягаться в осмыслении его вдохновенных замыслов, а ему самому — встречно объяснять суть своих творений (и он начал давать такие толкования на «Ревизора», «Мертвые души»).

Подобные сложности прочтения и воздействия возникают с каждым писателем-классиком, с той только разницей, что в отличие от Гоголя далеко не каждый из них производит хотя бы сокровенное духовно-православное влияние. Наоборот, многие классики оказывают на читателей антихристианское воздействие (порою даже прикрываясь видимой символикой христианства). Таков, например, Максим Горький (Алексей Пешков). Никто из живших одновременно с ним русских писателей не мог соперничать с его всероссийской и всемирной славой. Трудно было найти к середине XX века русский город, в котором что-нибудь не было названо в его честь (улица, парк, дом культуры и т.п.). Влияние его творчества сохраняется до сих пор, в том числе через систему государственного школьного и вузовского изучения литературы, через театральные, кинематографические постановки. Когда журналисты спросили у него, какие свои произведения он считает особенно подходящими для советской молодежи, писатель 18 ноября 1927 года назвал вслед за «Песней о Соколе» и «Песней о Буревестнике» сказку «Мать» из «Итальянских сказок» (1906—1913), добавив: «Мне кажется, что теперь перед матерями стоят новые и огромные задачи и что девицам из комсомола следует подумать и над этой своей ролью в жизни» [1]. Из других рассуждений Горького видно, что он в равной мере ценил все сказки, посвященные матерям в «Сказках об Италии», а также роман «Мать» (1906—1907), по духу примыкающий к ним. Обобщая материнскую тему в своем творчестве, он пишет 11 января 1928 года Н.В. Чертовой: «Читали вы мою “сказку” — “Мать”? Это — в “Итальянских сказках”. В этой поэме я выразил <...> мой взгляд на женщину <...>: мать мира, мать всех великих и малых творцов “новой природы”, новой жизни» [2]. Трудно сказать, какую из четырех материнских по тематике сказок писатель имел в виду в этих письмах, ибо в конечном тексте «Итальянских сказок» они лишь пронумерованы и лишены названий. Вполне вероятно, что он имел в виду любую из них, столь близких по духу — предоставляя выбор читательскому вкусу.

Ранее, в январе 1923 года Горький пишет М.Шкапской предельно откровенно о своем понимании материнства: «<...> женщина — Родоначалница, и в деле строения мира приоритет за нею. Здесь речь идет не о «Прекрасной даме», Энойе и прочем в этом роде, это является уже производным, частностями, тут говорится о Судьбах, о “Матерях” Гете, о той глубине, которую скорее чувствуешь, чем понимаешь» [3]. «Судьбы» — это Мойры, богини судьбы из греческой мифологии, а «Матери» Гете — богини-

родительницы всего сущего, особо почитаемые бесом Мефистофелем в поэме «Фауст» — вершинном творении известного писателя-масона. Энойя гностиков (в иных толкованиях — София), равно как и поздний извод этого гностического образа — «Прекрасная дама» в творчестве Блока — все это мифологические образы магического искусства, противопоставляемые христианским представлениям и в особенности — образу Пресвятой Богородицы.

Женщины-матери в мире Горького — «богородицы», порождающие в удачных случаях «божественных» сынов. Эта писательская мифология питалась исканиями в русле «богостроительства». Мать в одноименном романе постепенно осознает, к какому «божественному» делу породила она своего сына Павла, и становится готовой жертвенно служить этому делу, не боясь смерти. Горький написал роман «Мать» вскоре после первой русской революции 1905 года и с удовольствием созерцал плоды предсказанного и отчасти внушенного им «материнского» развития России после двух революций 1917 года. Ныне живущие россияне, многие из которых еще зубрили к школьным урокам «Песню о соколе» и «Песню о Буревестнике», могут засвидетельствовать, чем все эти богостроительные порывы завершились на исходе XX века. Да и сам Горький со свойственной ему лукавой насмешливостью сразу же и предсказывал в своем творчестве такой исход. Жертвует собою и, судя по смыслу оборвавшегося романного повествования, гибнет мать Павла Власова. Мать в XI-й сказке из «Сказок об Италии» убивает своего сына-предателя, а затем и себя. Мать в X-й сказке долго ухаживает за прожорливым сыном-уродом, терпеливо кормит его, но когда узнает от иностранцев, что он — зримое свидетельство вырождения и умирания итальянского народа «впереди всех романских рас», — ее сын на другой день вдруг «объелся чем-то и умер в судорогах». В сказке XXII-й мать, стараясь доказать подросшей дочери свое превосходство в силе и привлекательности для мужчин, сначала побеждает ее в беге, а затем торжествующе пляшет в безудержном танце со многими сменяющимися от усталости мужчинами — до тех пор пока не падает от разрыва серд-

ца. И даже в самой благополучной по видимости IX-й «итальянской» сказке мать как символическое начало жизни приходит в поисках пропавшего в плену сына к Тимуру-Тамерлану (олицетворению смерти в мире Горького), и тот, покоренный ее напором, обещает найти ей сына, но так и не находит, ибо его царство — царство смерти.

Можно ли толковать подобную образность как нечто положительное и полезное? Жизнь нашего Отечества в XX веке показала, что при желании можно. Можно ли считать положительными и полезными плоды, итоги подобных толкований? Вряд ли.

Мы живем во времена стремительного преобразования жизни всех народов и человечества в целом. Современная Россия, как и было в течение многих веков, вновь занимает в бурных международных движениях важнейшее, во многом определяющее место. А это значит, что такое же место в мире занимает и русское слово, проникнутое в своих лучших проявлениях светом православной духовности. Вся система нашего изучения словесных произведений, весь круг чтения должны незамедлительно пересматриваться, совершенствоваться и обязательно возвращаться к своим древнерусским православным истокам, благодаря которым русское слово, а с ним и вся русская культура питались, развивались, укрепляли государство в течение более чем тысячелетия. Этим важнейшим делом должны заниматься в совокупных усилиях семья и школа, родители и педагоги, писатели и филологи, философы и богословы.

-
1. Полевой Б., Купрежанов Г. Письма из Сорренто. Калинин, 1936. С. 11.
 2. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 30. М., 1956. С. 62.
 3. Работница. 1968. № 3. С. 1.

References

1. Polevoj B., Kuprejanov G. Pis'ma iz Sorrento [Letters from Sorrento]. Kalinin, 1936, p. 11.
2. Gor'kij M. [Coll. of works in 30 vols, vol. 30]. Moscow, 1956, p. 62.
1. Rabotnica, 1968, no. 3, p. 1.